

Геннадий Борцов

*Пути Господни
неисповедимы...*

Геннадий Борцов

Пути Господни неисповедимы...

«Издательские решения»

Борцов Г.

Пути Господни неисповедимы... / Г. Борцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609799-5

Какая она, человеческая судьба? Не думаешь, не гадаешь... с такой закономерностью определённый круг людей двигается в определённом направлении за много лет до случая, чтобы, когда придёт срок, быть там, где определено им быть.

ISBN 978-5-00-609799-5

© Борцов Г.
© Издательские решения

Содержание

Пути Господни неисповедимы	6
Вернусь я к тебе	11
Ты меня, родная, провожала	46
Ниночка!	51
Ты – белый голубь, птица Рая	63
Дума о матери	68
Прости... о, мама!	70
Мы всё помним, отец!	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пути Господни неисповедимы...

Геннадий Борцов

© Геннадий Борцов, 2023

ISBN 978-5-0060-9799-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пути Господни неисповедимы

*Какая она, человеческая судьба:
Не думаешь, не гадаешь... с такой закономерностью определённый
круг людей движется в определённом направлении за много лет до случая,
чтобы, когда придёт срок, быть там, где определено им быть.*

Так и произошло с нами: с семьёй моей жены Нины – мною, с самой женой – мною, они крепко связаны с моими родителями, дедами, прадедами. Они оказывали очень большое влияние на нашу судьбу.

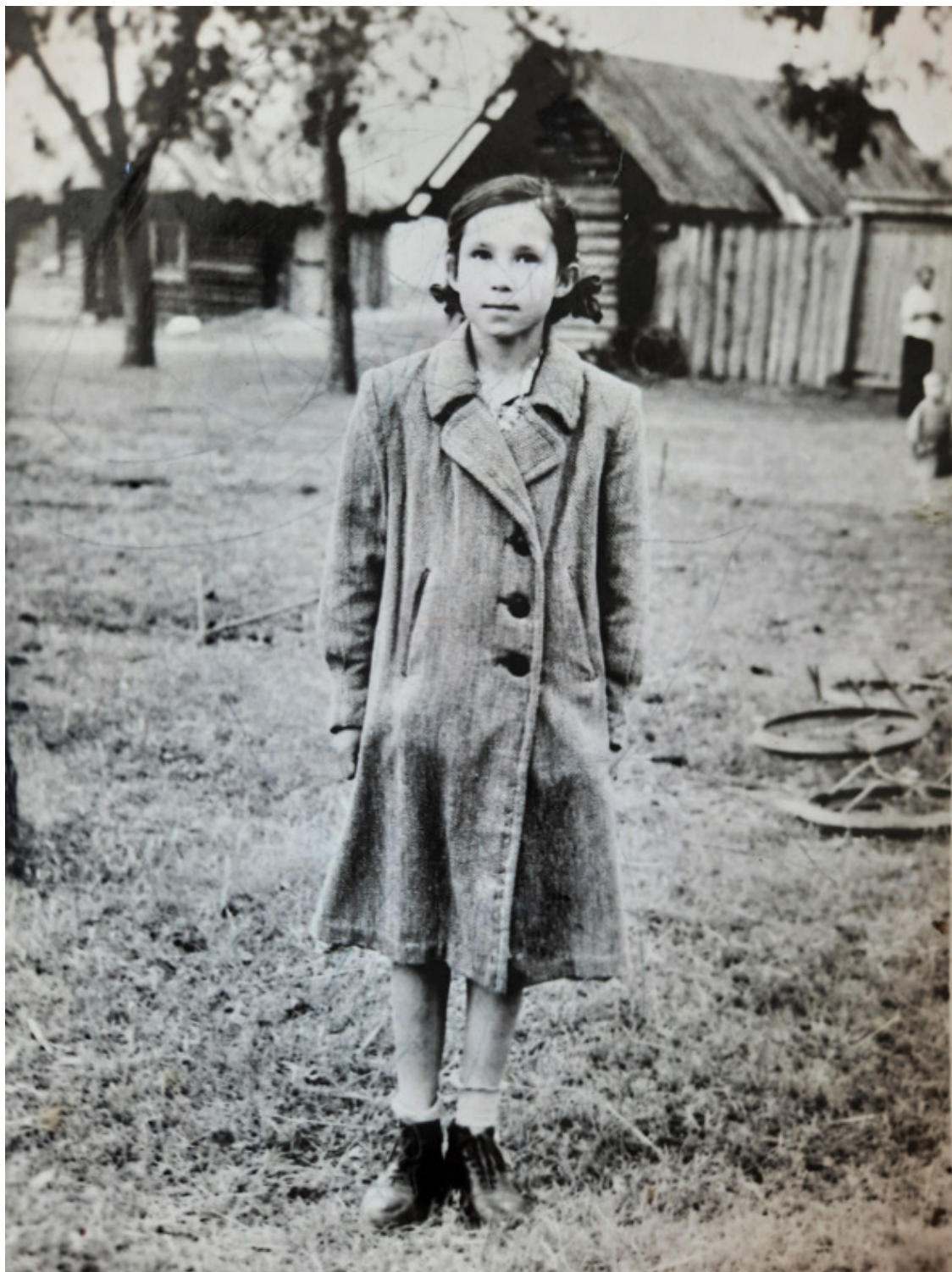
Не приди я в определённый период своей жизни к Богу, вряд ли бы появились эти строки на бумаге, я бы просто не смог соединить всё произошедшее со мной, моей женой, моими близкими людьми в одно целое. Лишь имея в основе – веру в Бога, тысячелетнее его существование, видя, какие учёные с мировым именем в основе человеческого и планетарного существования ставят Бога в основе всего.

Что мы, умнее их, чтобы не присмотреться и не прислушаться к их мыслям и выводам???

Нет! Я не был приучен к учениям и вере в Бога. *Я просто шёл неосознанно к Богу. Десятками, сотнями неугодно Богу я опровергал, совесть – была критерием моих действий.*

Я видел в нашей жизни с Ниной очень много такого, что меня предупреждают, мне напоминают, чтобы я опомнился, меня водят по определённым местам, чтобы я видел, запомнил. Лишь определённые, из ряда вон выходящие случаи вывели меня из дремотного состояния, помогли соединить в одно целое всё и понять, что Бог хотел ради моих близких, чтобы появились эти строки, ибо они не безразличны моим близким – жене, детям, внукам-внучкам, может быть, и зятям.

В руки мне попала фотокарточка Нины, снятая на её улице в Кугеево в 1955 году (мы ведь с нею из одной деревни), ко времени написания этих строк мы давно уже – муж и жена. Я в это время призван в армию (попал на станцию Розенгартовка, Бикинский район Хабаровского края, в трёх километрах от китайской границы).

На фотокарточке – разруха послевоенная. Ветхие дома (дома Нины здесь не видно), не видно оград, их в войну сожгли на дрова. Смотря на это, мне захотелось плакать, ведь это послевоенная Россия, жизнь СССР после войны.

Смотрю всё на фото, дорогая моя! Ты смотришь на дорогу, на ту сторону, откуда, родная, приеду к тебе.

...Жди меня! Только ещё 8 лет тебе придётся ждать. Ведь мы будем вместе (нас сам Бог соединит). Всё это в будущем... Мы ещё не знакомы.

Это перевернуло мою душу.

На фотокарточке Нина – ей 11 лет, мне 21 год. Десять лет разницы. В это время я дружил с девушкой, у нас была любовь, крепкая, с 1952 года, с Марпосада, я студент 2-го курса Марпосадского лесотехникума.

А ведь получится так, мы с ней разойдёмся в 1961 году, когда я после армии поступлю в Свердловский лесотехнический институт.

Как поселились в этом доме, мы сразу купили корову, построили хлев для коровы, и там у нас ещё был курятник. Летом (вернее, с весны) завели 2 огорода, один недалеко от дома, участок, пройденный торфодобычей (здесь в сухое лето хорошо уродилась картошка и зелень), другой участок песчаный, там хорошо росло всё в дождливые годы. При доме тоже участок, там у нас росли помидоры и клубника.

Так судьбе угодно. Бог берёт меня для Нины.

Держа в руке фотокарточку Нины (она в Кугееве), я переносюсь на станцию Розенгартровка (Хабаровский край), я вспоминаю своё стихотворение, написанное мною через месяц как начал служить.

Вернусь я к тебе

Я с Волги, ребята,
В далёком краю
О берегу дальнем,
О Волге пою.

Родился и вырос
В приволжском селе,
О Волга, о Волга,
Вернусь я к тебе.

Пришёл на рассвете
На берег крутой
И я поражён был
Её красотой.

Ночная прохлада
Была над рекой,
Гудок парохода,
И слышен прибой.

Туман поднимался,
Рассвет наступал,
Багровое солнце,
Тут миг... заблистал.

Вот утро. Над Волгой
Лазурь голубой.
Над островом чайка
Летает стрелой.

Сидел я так... долго.
Весна-то в груди,
Родные просторы,
Вы мне дороги.

Нескоро, ребята,
Вернёмся домой,
Но мы вспоминаем
Родимый простор.

Придёт та минута,
Я верю, друзья,
Родная сторонка,
Ты встретишь меня.

*Ноябрь 1955 года,
Станция Розенгаттовка,
ШАМ (школа авиационных механиков).*

Случится это через 17 лет.

(Подробнее дальше)

Всё, что должно было случиться... случилось.

...1949 год. Я оканчиваю Кугеевскую семилетнюю школу и поступаю в 8 класс Бичуринской средней школы.

Со мной же поступает моя сестра Лида. Она старше меня на 3 года. Но она несколько лет страдала глазами. Ходила на работу в колхоз на молотьбу ячменя и засорила глаз... и пошло-поехало. Чуть не ослепла, как только не лечилась (дома, в медпункте, у знахарей)! Ну, наконец, выздоровела. Слава Богу!

Мы ученики 8-го класса. Но учёба в средней школе платная. Помню, встречает меня директор школы Руденко (женщина) и говорит мне: «Вы, Борцовы, когда уплатите за учёбу?» Помнится – это 300 рублей (не знаю, за полгода это было или за год за двоих). Мне стало не по себе, сжав зубы, я произнёс про себя: «Всё, я закончу 8-й класс и буду поступать в техникум, там мне самому будут платить стипендию».

Ведь знаю, дома нет никаких денег, да и откуда им быть, ведь в колхозе с 1941—42 годов до 1960—70 годов за работу ничего не платили. А минимум трудодней требовали. Скажем, человек заработает 200—250 трудодней в год, а на него, за трудодень, уплатят 200—300 грамм

хлеба. Это сколько же килограммов получается и на сколько хватит этого хлеба семье? Его уж давно съели. Летом, во время уборки хлеба с полей, варили супы с галушками и черпаком давали суп и пару галушек каждому в чашку.

Попробуй без спроса уйти на базар – продать с личного приусадебного участка что-то или столько-то яиц – тебя так осудят, что лишний раз не побежишь.

Хлеб шёл в войну – для фронта, после войны – для восстановления страны и т. д.

Помню (скорее это было в зиму 1950 года) мы с матерью потащили на санях лук в город Лопатин (ныне город Волжск, Марий-Эл) на другой стороне Волги. На продажу. Это от деревни в километрах 20—25. Ведь деньги нужны для семьи, детей надо одевать, обувать... и за учёбу платить.

Спасибо Вам, родители, за всё, что Вы сделали для семьи, за Любовь Вашу к детям. Сейчас, когда пишу эти строки, я встал на колени перед иконостасом, просил прощения перед родителями и благодарил их за такое детство, за то, что они вырастили нас.

И благодарил Бога, что дал он возможности родителям воспитать нас. И просил написать правильно статью.

Как бы ни было, но наша семья и в войну, и после войны не голодала, у родителей хватило мудрости и трудолюбия, чтобы иметь на столе еду. Мать продала корову в 1942 году, когда немцы были под Сталинградом, по совету соседки.

Но всё же в войну мы потеряли двоих братьев: Николая, одномесячного, год рождения январь 1942 года, и Анатолия, год рождения 1938, в пятилетнем возрасте, в марте 1943 года мы его потеряли из-за дизентерии.

Мы, все дети наших родителей, всегда понимали, каково родителям воспитывать детей, какой это труд, поэтому в нашей семье всегда было уважение и любовь детей к родителям, ни один из детей даже плохого слова не сказал родителям, даже таких мыслей не было в голове.

Слава Вам, родители, спасибо Вам, спасибо, братья и сестра Лида, за понимание, Любовь и уважение к родителям. Я уж говорю от имени всех Вас – вы... уже ушли.

Лето 1950 г.

Я отдаю заявление в Звениговский речной техникум (Марийская АССР) на отделение, где готовят рулевых речных судов (там учится мой друг Николай Краснов, поступил он сразу после окончания 7 классов, он из соседней деревни Янтиково).

И второе заявление – в Марпосадский лесотехнический техникум, а сестра Лида – в Марпосадский сельскохозяйственный техникум.

Вызовы на меня и на сестру приходят вперёд из Марпосада. Мы с Лидой, оба, поступаем в техникумы.

Вот она, судьба, т.е. *первый поворот судьбы*. Мог я стать речником, а стал работником лесной промышленности, и *это не случайно*.

Сценарий написан не мной, *во всех подробностях составлен тоже не мной, он составлен за много лет до этого... Богом* в 1941 году.

1944 год

Год этот положил начало изменениям моего характера во многом. Помню, после обеда из села Октябрьское возвращались ученики десятиклассники. Парней этой группы дома ожидали повестки из военкомата на призыв в армию. Десятиклассники (им 18 лет. В школу брали с 8-летнего возраста, 10 лет учёбы – 18 лет).

Тётя Валя, младшая сестрёнка моей мамы, окончила 10 классов, осталась в деревне и заведовала почтой. Пока она работала на этой работе, с 10 лет до поступления в Марпосадский лесотехнический техникум, вся почта проходила через меня (это 5—6 лет). Это склады-

вало мой характер, любовь к литературе. Среди чувашских писателей я полюбил Леонида Агапова за рассказ «Партизан Мурат» про чувашского парня, сына военнослужащего.

Начнём некоторые разъяснения

Отец Нины – Васильев Александр Васильевич, участник войны с Японией, воевал с японцами у озера Хасан (рядом с городом Владивостоком). Японцы тогда постоянно устраивали пограничные конфликты. Это, если не ошибаюсь, было в 1938 году.

В деревне Кугеево, когда мы учились ещё в семилетке, в соседнем доме по нашей улице квартировала учительница – *Яковлева Александра Яковлевна*. Преподавала она русский язык в 5—7 классах, но преподавала в параллельных классах, но не в нашем классе. Правда, когда наша учительница в очередной раз уходила рожать ребёнка, она и в нашей группе преподавала.

Так вот, эта учительница перед войной с мужем-авиатором, штурманом самолёта, жила в посёлке Укурей (Забайкалье), недалеко от монгольской границы.

...Начинается война (1941 год). Авиационный полк сразу перебрасывается на Запад. И скоро муж погибает. Она получает похоронку на мужа. Что делать оставшейся молодой жене, у неё ведь и ребёнка нет, нет родных, никого. Она решает выехать на Родину в Чувашию. Её деревня в километрах 15 от Кугеево. Но как выехать? Обстановка критическая, выезд гражданскому населению очень ограничен, железная дорога – Транссиб – загружена, воинские эшелоны, военные грузы. И она хитростью, ссылаясь на болезнь дочери «Нины», сумела купить ж/д билет и приехать на родину. Ведь у неё не было детей, тем более определённой Нины.

Но, приехав в Чувашию, она попадает именно в Кугеево. Всё это наводит на кое-какие размышления.

Начнём с семьи Нины

Фамилия рода – Лукиновы.

Глава рода, дедушка Нины, был Василий, сыновья: Аркадий, Семён, Тимофей, Александр (отец Нины).

Первые двое, старшие, Аркадий и Семён, заканчивают институты: Аркадий – сельскохозяйственный, Семён —лесохозяйственный.

Тимофей – тоже студент института, в половодье проваливается в ледяную воду, простужается и погибает.

Александр – младший сын, участник войны с Японией, женится на Абрамовой Елизавете Абрамовне из деревни Олмалуй (деревня в 4 километрах от Кугеево).
Это уже родители Нины.

Я чуточку поторопился.
До замужества Елизавета Абрамовна два года была в армии, на фронте медсестрой.

Отца Нины назначают зав. продовольственной базой в посёлке Сосновка на другой стороне Волги напротив Чебоксар.

Живут они в посёлке Торфопредприятие, тоже напротив Чебоксар, на другой стороне Волги. Оба посёлка относятся к городу Чебоксары.

Здесь в посёлке Торфопредприятие работала Заволжская электростанция, обеспечивающая электроэнергией Чебоксары. Работала она на торфе. Шла большая торфодобыча. Большая часть населения посёлка – торфяники, лесозаготовители, строители (строили большие деревянные бараки), работники лесного хозяйства и другие. Нина родилась здесь – в 1944 г. Крещена в соборе Введенском в Чебоксарах.

Отца Нины обвинили за какие-то провинности и отправили на поселение (не в лагерь) в Якутию. Здесь он работал в шахте, где добывали золото.

Мать Нины, Елизавета Абрамовна, решила выехать к мужу в Якутию, как когда-то жёны декабристов в Сибирь. Вся родня была против, как будто чувствовали недоброе. Так оно и случилось. Она погибла при криминальном аборте и осталась навеки в Якутии.

Когда отца освободили, он привёз свою дочь в деревню Кугеево. Дорога заняла более двух недель. На одной из остановок случилось ЧП. Нина слезла с поезда и ушла в лес. Поезду трогаться – у отца нет дочери. Он к начальнику поезда, сколько-то подождали, Нина появилась.

Видимо, Бог просто показал, что в жизни Нины лес будет иметь определённый смысл.

По приезду из Якутска отец Нины, мой будущий тесть, женится на учительнице Яковлевой Александре Яковлевне. Она становится Васильевой А. Я. и матерью Нины.

Так сказанные ею слова в 1941 году стали истиной, явью.

А ведь стоит задуматься...

Надо, ещё как надо! Ведь с 1941 года она «жива». Что, Александра Яковлевна пророчила? Не она. Бог, просто Божья воля, давно заложенные планы Его на нашу будущую семью.

Мы поженимся только в 1963 году (мне 29, а Нине 19 лет).

Время движется. Уже 1954 год.

Мы с сестрой Лидой заканчиваем техникумы: я – лесотехнический техникум по специальности лесозаготовительное отделение, Лида – сельскохозяйственный, по специальности мелиорация сельского хозяйства.

В августе 1954 года выезжаем по направлению на работу. Ехать нам в одну сторону: мне – в Кемеровскую область, станция Яя, Управление Севкузбаслага, а сестре – в Удмуртскую АССР, станция Пычас (Западный Урал).

На станции Пычас я прощаюсь с Лидой, сам поехал дальше.

Большинство выпускников лесотехникума направили в Управление п/я, т.е. работать с заключёнными.

Время Сталинских лагерей (только год назад помер Сталин).

Чуть больше года поработал в Кемеровской области. Много чего было за этот год. Видел: человеческая жизнь в лагерях не стоит медного гроша. Каковы условия работы заключённых (один маленький пример: рабочий везёт лес на лошади в развалившихся ботинках по ледяной слякоти, пятки у человека – голые, красные...)

В лагере – борьба за зоны влияния между «ворами» и «рокошсовцами». Первые отнимали у работяг 25% зарплаты, вторые – могли и все 100%. Заключённые питались за свои деньги в столовых. В результате почти каждую ночь кого-то резали, кого-то вешали.

Начальники лагерей старались получить в лагерь какого-либо «вора в законе», чтобы держать зону в ежовых рукавицах.

Чуть-чуть открою, кто такие воры. Бригадиры и другие ответственные лица в этом коллективе обычно воры.

Например, летом в лесу вору построят шалаш, с двух сторон сидят «шестёрки» и отгоняют от «шефа» мух.

Пройдёшь мимо, он у тебя спросит:

– Начальник, на сколько процентов выполнить сегодня план?

Ответишь:

– Уж не меньше 100%.

– Будет, начальник!

Дело в том, что, если бригада выполнит не меньше, чем на 100% – дни отсидки сокращаются в 3 раза. Срок – 3 года, ты за год выйдешь. Но выйдут в первую очередь воры и деньги большие получают они же. А чтобы это получить, воры людей не жалели.

И многое другое.

В октябре 1955 года меня призвали в армию. Но до этого я съездил в отпуск. Проходя по улице Казани, догнал мать и Лиду. *Вот как бывает в жизни, такая встреча!*

На сборный пункт (город Анжэро-Судженск Кемеровской области) я попал с опозданием на 3 дня по причине нелётной погоды. Единственный транспорт – самолёты, выехать надо на 120 км.

Военком в бешенстве: «Вас судить надо! – а потом добавляет. – Не хотели поехать на Запад, поедете на Восток».

Оказывается, наш набор был на Западную Украину, в школу радистов.

Это не случайность, так оно должно было быть.

Это 2-й поворот судьбы.

Попадаю в школу авиационных механиков (станция Розенгартовка, Бикинского района Хабаровского края) в трёх километрах от китайской границы. Заграница просматривается далеко. Здесь всю войну, на запасных путях, стоял бронепоезд для защиты от японских, постоянных, нарушений границы.

В 1956 году, после окончания школы авиационных механиков, попадаю по распределению на службу в город Спасск-Дальний Приморского края, примерно в 500 км от города Владивосток, в Полк тяжёлой бомбардировочной авиации (дальней бомбардировочной авиации). Это летающая крепость (имеет 12 тонн бомбового груза, защищён 5 огневymi установками (10 пушек), более 12 тонн бензина. ТУ-4 – первый самолёт, который способен долететь до Америки.

В 1957 году дали за службу хорошую отпуск с выездом на Родину. Был по пути в городе Нижний Тагил, куда сестра Лида вышла замуж, был в Кугеево у родителей.

В этом же году объявили приказ Хрущёва, разрешающий солдатам поступать в высшие учебные заведения. Солдат получает вызов из института, его демобилизуют, он сдаёт экзамены, если не сможет поступить – вернётся обратно на службу, т.е. дослуживает.

Я воспользовался случаем и на 3 месяца раньше демобилизовался, и с хорошими баллами поступил в Уральский лесотехнический институт, УЛТИ, в 1958 году. Это 1958 г. – перерыв 4 года с 1954 г.

А до этого, весной этого же года, наш полк перебрасывают на станцию Укурей в Читинской области Забайкальского края России, туда, где муж моей тёщи служил и жил с Александрой Яковлевной. Я – через 16 лет.

Как теперь не подумать о том, что сценарий всей моей жизни задуман Богом заранее, определена вся последовательность событий.

Лесотехнический техникум, а не речное училище. Попадаю работать в Кемеровскую область.

Призыв. Мог попасть на службу на Украину – попадаю в Хабаровский край (Розенгартровка – Спасск-Дальний). С полковой концертной бригадой ездю в город Уссурийск – всё ближе и ближе к Владивостоку (остаётся километров 250—300 до него). Причём здесь Владивосток? Есть причина – Бог мне хотел показать, где служил мой тесть.

Далее полк перебазировался в Забайкалье, станция Укурей, где жила со своим мужем-авиатором Александра Яковлевна – моя тёща. Здесь я служил месяца 4.

Нина ездила в Якутию. Тесть служил под Владивостоком, оттуда ездил в Кугеево, затем ездил в Якутию и обратно. Родная мать Нины, Елизавета Абрамовна, ездила в Якутию и осталась навеки там...

Я дважды проделал весь этот путь: Дальний Восток – Кугеево (второй раз ездил в отпуск город Спасск-Дальний – Кугеево).

Отдал честь тестю, теще (недаром же Бог заранее предсказал ей быть второй матерью «дочери Нины», второй женой моего тестя).

Проехал мимо Якутии дважды.

Преклоняю голову перед решительной женщиной Елизаветой Абрамовной, «декабристкой» нового времени. Она не побоялась пуститься в такое время в такой путь. Перед родной матерью Нины, моей жены, которую Бог заранее определил быть моей женой, видя мои жизненные установки, видя, что я могу любить и быть верным.

Спасибо тебе, Боже, что мы нашли друг друга, дождались, не испортив себя, т.е. сохранив свои душевные качества.

А может, есть другая причина того, что всё начинается с Дальнего Востока, с Забайкалья? Это то, что древняя родина чувашей – около Китая? Потом – Кавказ – Волжская Булгария – Чувашия.

Вот она, судьба, т.е. первый поворот судьбы. Мог я стать речником, а стал работником лесной промышленности, и это не случайно.

Сценарий написан не мной, во всех подробностях составлен тоже не мной, он составлен за много лет до этого... Богом в 1941 году.

Итак, в 1958 году я поступил в Уральский лесотехнический институт. Почему я туда поступил? Недалеко от Свердловска в Нижнем Тагиле жила сестра Лида с мужем Василием и сыном Славиком. В первый год я частенько в выходные на электричке приезжал к ним. Работали Лида и Вася на пластмассовом заводе (на химии). Нижний Тагил – это город металлургов, химиков, настоящая кочегарка, зимой белый снег через несколько дней становился чёрным. Со второго курса я меньше ездил туда, но ездил.

Друзья, товарищи, студенческий коллектив – есть что вспоминать. На первом курсе меня выбрали редактором факультетской газеты «Лесоинженер». Были годы исторические. Видел немало приезжающих в Свердловск мировых знаменитостей. Проехала процессия, эскорт кубинской делегации, Фидель стоял на открытой машине, приветствуя людей, народ его приветствовал. Видел императора Эфиопии Хайле Селассие I, главу ЦРУ Америки и т. д. На майском параде сфотографировал след ракеты, сбившей самолёт нарушителя границы американца Пауэрса (мы стояли в оцеплении на центральной площади города). Помню, как мы выбежали на крыльцо, когда узнали о запуске Гагарина.

Было время такое. Народ жил ожиданием больших событий. Была сплочённость народа, чувство дружбы, вера в безопасность, чувство локтя. В полночь без боязни можно было ходить везде.

Мы часто ходили на работу, на разные разгрузки (леса, дерева, цемента и т.д.) Деньги, они всегда нужны студенту.

На каникулы всегда ездил в Кугеево, к своим близким.

Все эти годы я продолжал любить свою девушку, с которой начал дружить ещё с Марпосадского периода (мне тогда было 17 лет, ей 14).

Но в эти годы у меня сплошные переезды были: после техникума – работа в Сибири (Кемеровская область), армия (Хабаровский край, Приморский край, Забайкалье), демобилизация, институт. И редкие встречи, только письма.

Может быть, и расстались бы с ней пораньше, но была сильная любовь к ней у меня (а ведь разлука гасит лишь слабую любовь, а большую, как ветер, раздувает).

А меня в эти годы постоянно спрашивали: «Чего ты, Гена, не женишься?» Я отвечал, что моя суженая слишком ещё молода. Да и хотелось впредь на ноги встать, да и были кой-какие, не устраивающие мои жизненные установки, недостатки у моей девушки.

Установки у меня были такие: женюсь по любви, имея полное доверие друг к другу, все вопросы жизненные решать терпеливо друг с другом, честность друг к другу, никогда на жену руку не поднимать.

Вот этих недостающих звеньев не хватало сердцу, оно ждало.

Видимо, сам Бог меня хранил для Нины (а расстались мы с той девушкой в 1961 году).

После расставания я дружил с несколькими девушками (между прочим, неплохие были эти девушки). Я приходил в себя после транса (а сердце всё ждало).

Это случилось в деревенском клубе в Кугеево (я в очередной раз был там на каникулах). Заходит молодая девушка в клуб, я посмотрел на неё... и у меня ёкнуло сердце... Это второй раз в моей жизни. К этому времени я уже начал привыкать к мысли, что мне уже больше никогда не полюбить.

...И у меня сразу мысль: «Неужели это она, которую ждёт моё сердце? Как же так, объездив пол России, я нахожу её здесь, в своей деревне?»

Да, да... полюбил я её. Подумал, Бог дал мне любовь, испытал меня в разных ситуациях, и не дал погаснуть любви в сердце. Потом-то я уж понял – всё с самого начала должно было быть именно так. Бог готовил нас друг для друга.

Оказалось, что и Нина меня ещё заранее полюбила (узнал об этом уж лишь после свадьбы нашей).

Летом, в каком-то году, на нижней улице в Кугеево (улица «Кавказ») горел дом, и я участвовал в тушении пожара. И меня там заметила она (моя будущая жена).

Женились мы в июле 1963 года в Кугеево. К этому времени я защитил диплом в УЛТИ (Уральский лесотехнический институт), а Нина закончила Канашское медицинское училище.

Да, да, я полюбил её, увидев её внутреннюю чистоту, трезвость в мыслях. Мы не испытывали тягости в общении. Я старался не обидеть её своими неосторожными словами, действиями.

Небольшим препятствием стала её ссылка на её молодость (нет ещё и 19 лет) и её желание поступить в медицинский институт (боялась остаться без института). Я обещал ей, что она поступит в институт.

Родители Нины берегли свою дочь, поставив условие, чтобы мы расписались ещё до свадьбы. Расписались 25/VII, а свадьба была 27/VII-63 г.

Через 3 дня после свадьбы мы уехали на работу по моему направлению на Северный Урал (г. Ивдель Свердловской области, в Управление п/я Н-240).

Наше место работы. Из Ивделя самолётом до центрального посёлка Понил (километров 120—130), оттуда километров 30 по железной дороге (узкоколейка), там лагерь заключённых, посёлок.

С этим народом я должен готовить лес для страны, а Нина – единственный медик, фельдшер – должна лечить их. В посёлке зона, казарма на 100 солдат и офицеров, вольнонаёмные.

Работали мы оба внутри зоны.

На работу заключённых привозят и увозят по железной дороге. В лесу я должен организовать труд заключённых, принимать их работу.

Очень сложная работа в лесной промышленности – это же цех под открытым небом в любую погоду.

Трудна эта работа, особенно для женщин. Молодчина Нина, не жаловалась, работала. А ведь, бывало, среди ночи стучат, требуется срочная помощь в зоне или в казарме солдату. Её уважали, заключённые говорили ей: «Ты наша мама». Это – женщине 19—20 лет, просто девушке.

Я много раз задавался вопросом – почему мы с Ниной оказались там, где работа с заключёнными?

Для себя оправдания находил, ведь в большинстве леспромхозов рабочим классом были заключённые, а почему Нина? Потом ответ нашёл.

А отец Нины был сослан в Якутию на поселение, сидел не в тюрьме, но осуждённый работал в шахте.

А мать Нины, Елизавета Абрамовна, как медик 2 года была в армии, поехала к осуждённому мужу в Якутию. Живя среди осуждённых, она, как медик, не могла не оказывать лечение им.

Вот и дочь стала медиком, раз мы – молодая семья, заранее сценарий составлен для нас, и мы полностью проделали весь этот путь.

И это ещё не всё – всё будет написано дальше, этот промысел Божий.

Нам дали квартиру в длинном бараке. Наша квартира с торца здания, отдельный вход, в остальные квартиры вход с середины здания.

С торца – участок под картошку и зелень и т. д. Имеется летняя кухня. За калиткой течёт река, метров 5 шириной, чистая вода. Недалеко есть колодец.

Жили дружно, любили друг друга. Но не всегда я мог бывать дома, я где-то в лесу с заключёнными, а вечером ещё задерживался в зоне, оформляя документы.

Но находили время изредка ходить с Ниной на охоту, ходить за ягодами в лес, ведь он рядом, как говорят, в двух шагах.

Большой радостью стало для нас рождение дочери – Наташи (имя ей придумала Нина заранее, ещё до рождения дочери).

С осени 1965 г. организация лесозаготовок перешла в распоряжение комбината Ивдельлес. Я теперь технорук лесопункта комбината Ивдельлес, а не п/я Н—240.

Но рабочие по-прежнему заключённые.

В конце лета 1966 г. исполнилось 3 года как мы здесь, мы отработали обязательный срок работы после окончания института.

Мы переехали в г. Ивдель, и я стал старшим инженером ПТО комбината, а Нина устроилась в санэпидемстанцию города. Это 22/VII-66 г.

Сначала нам дали временную квартиру, а затем 2-х комнатную квартиру по улице Трошевой, 3. Здесь у нас родилась дочь Галя. Имя ей дала Наташа. Мы были очень рады, она была такая хорошая.

25/XI-66 г. Я перешёл на работу в Ивдельскую сплавную контору старшим инженером по лесозаготовкам, там платили больше, а это имеет немаловажное значение для семьи.

Но вопрос этот всё же оставался открытым и 9/03—68 г. мы переехали на работу в Тюменскую область в Самзасский леспромхоз. Это станция Коммунистическая. Небольшое пояснение. Если ехать со стороны Ивделя в сторону реки Обь, есть станции: Пионерская, Комсомольская, Советская. Сейчас многие эти посёлки стали городами.

Я начал работать начальником ПТО леспромхоза, а Нина фельдшером в детсаде. Заработная плата теперь хорошая, здесь районный коэффициент 70% (в Ивделе только 20%), ибо этот район относится к району, приравненному к крайнему северу.

Да и должность выше, и у Нины выше, а дети рядом, при ней, в садике.

Да и квартира большая, это деревянный дом на 2 семьи, со входом в каждую квартиру с торца.

Когда переезжали с Ивделя, там мы купили козу для обеспечения детей свежим молоком (в посёлке до нас не было ни коз, ни коров).

Погода зимой здесь оказалась холоднее. Не помню точно, в конце 1968 или 1969 целый месяц стояли морозы -56° .

Здесь у нас возник вопрос о поступлении Нины в институт, чтобы исполнить данное ей обещание. Прошло уже, считай, 5 лет, как она закончила училище, лишь дома занималась немного, да ещё сколько-то времени ездила в посёлок Советский в вечернюю школу. Трудно ей будет поступить.

В 1969 г. *Нина с Галей* поехала в отпуск в Чувашию с намерением поступить в Чебоксарский госуниверситет, а мы с Наташей остались в посёлке. Договорились, что Нина с Галей во время сдачи экзаменов будут жить в Новочебоксарске у сестры Лиды.

Молодчина, Нина, ведь поступила! Мы с Наташей тоже приехали в отпуск, и мы с Ниной пошли посмотреть объявление с перечнем поступивших. Очень были обрадованы, когда в списке увидели её фамилию.

Заканчивается отпуск. Нина провожает нас с Наташей на самолёт Чебоксары-Свердловск. Какие эмоции, рой мыслей в голове, какая нежность к семье в минуты расставания!!!

Лучше прочитаю вам, семья моя, друзья мои, свои стихи, которые созрели в голове, пока мы с Наташей летели на самолёте, и которые я оформил сразу по приезду в Самзу.

Ты меня, родная, провожала

1. Ты меня, родная, провожала,
Молча шла к посадке в самолёт.
Что в душе твоей – так мне сказала —
Та слезинка, что туманит лик.

2. Повернувшись, молча посмотрели
... Не в глаза, а дальше, в глубину,
Что в народе названо – душою,
И судьбу увидел каждый там свою.

3. Поцелуй прощальный у трапа самолёта,
Долгий как дорога... да, не близок путь.
Так стоял бы вечно, обнявшись с тобою,
Только в путь-дорогу дай мне лишь взглянуть.

4. Самолёт в разбеге. Я смотрю в окошко,
Вижу – ты махаешь, что-то говоришь,
Самые последние и слова забытые,
Самые желанные... дай им долететь.

5. Самолёт уж в небе, облачность над нами,
И остался город где-то позади,
И легла разлука – ровно перед нами.
... Эх, пути-дороги, снова встречи жди!

6. Как поётся в песне: «Без разлук нет встречи»,
Но уж очень больно – встречи коротки.
Кто ни встретит, скажет: «Выдумал разлуку,
Заварили кашу – так уж не пищи!»

7. «Заварили кашу!»... Так не всяк решится
Поступать на очный... знаешь, факультет,
Малые детишки разделены нами:
Галочка с тобою, а Наташа... тут.

8. Выгода какая? Жить семьёй в разлуке
Ради получения «корочки её»?
Бог с тобой – терпи ты, но причём тут дети?
Им нужна ведь ласка – покажи её.

9. Эх ты, разум, разум. Точно говоришь ты:
«Не стоит овчина выделки её!»
Но упрёк любимой всех больней на свете:
«Не смогла учиться по твоей вине».

10.Помнишь разговор наш (мы ещё свободны),
Мы с тобой гуляли... говорил ты мне:
«Ниночка, учиться можешь ты и позже,
Если любим оба – дай ты руку мне».

11.Я тебе сказала: «Год бы погулять мне,
Выходить мне замуж – просто не легко.
Я же молодая. Через год приедешь,
И тогда сыграем свадьбу. Верь ты мне».

12.Посмотрев, ответил: «Эх ты, Нина, Нина,
И зачем тут годы – если люб тебе?
Если ты не любишь, ты скажи открыто,
Я навек уеду, хоть мила ты мне».

13.И навек связали судьбы мы с тобою,
И седьмой годочек – вот теперь уже...
А любовь как прежде ты встречаешь в взглядах,
Счастлива, довольна жизнью вполне.

14.Рада от того я, что тебя имею,
Рада потому я, что смогли сберечь
Чувство дружбы нашей и любви взаимной,
Чувства ожидания – радость первых встреч.

15.Геночка, родной мой, век я не забуду,
Сколько ты мне сделал разного добра,
Дал ты мне уверенность, веру в человека,
И сама я сделалась личностью не та...

16.Что ещё бы надо? Я уж всё имею
Для того, чтоб в счастье жизни нам прожить,
Только лишь с одним я не смогу смириться:
Как же быть с учёбой? Просто не решить.

17.Хочется учиться... Цель была уж с детства.
На врача хотелось выучиться мне.
Тут уж замуж вышла, а потом – потомство,
И сейчас и счастье – улыбнулось мне.

18.Поступить смогла я – лишь теперь учиться,
Но в душе забота – просто... тяжело.
Галочка со мною – остальных нет близко.
...Как вы там живёте? Всем нам нелегко.

19.И о чём прошу я, Геночка, родной мой,
Шли почаще письма, шли уж... не ленись.
А без них учёба не идёт мне в голову,
Не идёт и... баста, хоть ты провались!

20.Лезут думы чёрные – может... я забыта,
Может, есть там кто-то рядом у тебя?
Может, хворь липучая, как змея ползучая,
Забралась к вам – нету рядом там меня.

21.Может, и работа там тебя замучила,
А питаться вовремя просто недосуг?
Вот голодный ходишь ты, да ещё расстроенный.
...Кто же должен думать о здоровье, друг?

22.Геночка, родной мой, главное – здоровье.
Береги себя ты, ведь нам жить да жить.
Если так, расстроившись, будем жить с тобою,
Золотой той свадьбы явно не дожить...

23.Если так ты будешь – брошу я учёбу
И к тебе приеду – уж не рисковать.
Для меня дороже счастье наше общее
Нежели учёба (с болью об учёбе буду вспоминать).

24...О, если бы сумела с честью я закончить
Этот вуз желанный! Стать врачом, тогда
Я сказала б: «Геночка, нету нас счастливей,
Геночка, судьбина, как тобой горда!»

25.Я сказала б: «Геночка, цель теперь достигнута,
Шли мы к цели долго, трудности прошли,
И не каждый выдержит столько лет разлуки,
Трудно уж нам было, с честью мы прошли.

26.А теперь, любимый мой, вечно я с тобою,
Больше уж нам незачем создавать разлук.
По своей вине нам хватит разлучаться,
Лишь война, могила сможет то, мой друг».

27.Вот о чём мечтаю каждый день порою,
Думаю – быстрее бы эти дни прошли,
Чтоб сказать впоследствии от души счастливой:
«Наконец-то вместе мы, друзья мои!»

28.«Папочка, ты слышишь? – слышу вдруг сквозь думы.
(В самолёте тихо, а внизу огни) —
Сколько раз прошу я, ты уснул что ль, папа?
Дай мне пить водички! Я давно хочу».

29.Эх ты, дочка, дочка, ты моя Наташа!
(И не раз придётся «разбудить» отца),
Так живём без мамы... Вырастешь... ты вспомнишь:

«С папой я летела на Свердловск тогда».

30.Ничего, Наташа, поживём с тобою,
Ты и не заметишь, как пройдут года,
Будем ждать мы маму – с верностью, любовью,
Только есть тревога – лишь бы не война.

31.Вот тогда обидно будет нам с тобою,
Что года теряли явно не туда.
И в душе подумаем: «Жизнь стороною».
Близок будет локоть, да кусать нельзя.

32.А судьба... судьбина... крепко держишь тайны.
Наперёд не скажешь, что тебя и ждёт,
Может, шаг – оступишься, может... ты у цели,
В мире, в общем, много, что не нам решать.

33.В мысли мне приходят семьи молодые,
Что не счесть разбила прошлая война,
Ты представь солдата, что сидел в окопе,
Он не раз чай думал: «Эх, зачем тогда?»

34.Не всегда мы ценим жизни настоящей,
А проходит – схватимся: «Эх, зачем, зачем?»
Может быть, с тобою также мы теряем...
А потом всё это явно не вернём.

35.«Может, ты не веришь, может, ты считаешь,
Что забыть могу я, что нам жизнь дала?
...Всем, что так мне свято – тем могу поклясться,
Что скорей умру я. Честь мне дорога!

36.Ниночка родная! Разве я не верю?
Знал, на ком жениться – ты судьба моя.
А без веры пусто. Можно жить на свете,
Если нет на небе звёздочка своя?

37.Так о чём забота? И зачем... скажи-ка
Поднимать тревогу просто уж зазря?
Если так подумать, ни о чём не думай,
Всё равно же будет... скоро там война!»

38.Не о том забота – не пойми превратно,
Думаю о детях я всегда притом,
Сможем ли отдельно дать им то, что нужно?
Время их уж роста – дело-то вот в чём.

39.Перед нами поле нами он засеян,
И от нас зависит – вырастет что там:

Урожай отменный (ты приложил руку),
А зарос бурьяном – нам же стыд и срам.

40. Мне бы не хотелось быть смешней кого-то
(Получить чего-то, большее терять).
Потому толкую я про ту «овчину»,
Думаю о том же, вспомнив про солдат.

41. О себе что? Грустно без жены, детишек,
Кажется, лишился не пойми чего...
Утром... вот проснёшься... Телом и душой
Чувствуешь, живёшь ты... будто... так себе.

42. Серость – повседневная... Радость – однодневная
(Как получишь письма – отдохнёшь душой).
И глаза закрывши... шепчешь: «Эх, родная...
Сколько лет придётся так нам жить с тобой?»

43. А года проходят просто незаметно,
И проходит жизнь... скоро тридцать шесть.
Выкинуть из жизни годы молодые,
Ты поверь, родная, небольшая честь.

44. Ехать в Чебоксары? Небольшая радость
(Жить в чужой квартире. А финансы как?)
Говорят: «С любимым можно жить и там-то».
Нам-то жить без денег? А учёба как?

45. Эх ты, разум, разум, что не всё ты скажешь?
«Если дал ты слово – надо исполнять!»
Чем упрёк услышать от своей любимой,
Вам ведь с нею жизнь, век свой вековать.

46. Проживу на Севере, если надо... годы
(От тебя, любимая, только не упрёк),
Верю, жду, надеюсь – будет счастье с нами,
Ведь одной судьбою связаны мы век.

P.S.

Ниночка!

1. Помнится Пушкина сказка такая.
Ворону сизый орёл говорит:
«Пусть проживу я на свете полсотни,
На двести твоих не меняю я лет.
2. Пью я кровинушку только горячую,
Ты же питаешься падалью всей.
И знаешь ли, ворон, тебе не завидую —
Капля крови... твоей дряни ценней».
3. Так и ответим с тобою, родная,
Тем, кто с ухмылкой процедит: «Живут!»
Нам дорога наша жизнь семейная.
На ваши полсотни не сменим и год.

Жили мы с Наташей дружно, провожал и встречал её из садика. Работал, думал и думал, как быть дальше и что делать. Скучали мы все – мы с Наташей, а там – Нина с Галочкой.

Мы знали – в Чебоксарах собираются строить ГЭС на Волге. Я написал в Министерство лесного хозяйства Чувашии с просьбой трудоустроить там. Нина заезжала туда узнавать.

В конце 1970 года из министерства мне сообщили, что меня могут трудоустроить. Я сразу оформил отпуска (очередной за 1969 год и отпуск дополнительный – за трёхлетнюю работу). Итого $24+36=60$ дней.

Приехав с Наташей домой, на следующий день я поехал в министерство. Там мне сообщили, что штатное расписание на Чебоксарский спецлеспромхоз пока Москва не утвердила, но я могу не терять надежду, что я буду работать начальником производственного отдела, а сейчас я могу выйти на работу на должность технорука. Я согласился (я теперь числюсь работником двух леспромхозов).

Задача наша – очистить дно будущего водохранилища от леса.

Но, между нами говоря, я так и остался техноруком. Москва в штатном расписании производственный отдел, соответственно, и должность начальника отдела, не утвердила. Единственно, через определённое время там я стал начальником лесопункта.

Что делать? Конечно, я проиграл в должности, в деньгах, но зато мы вместе.

Нина с детьми жила у Ефимовых, ходила на учёбу, а я работал за Волгой. Мне там дали временное жильё при лесничестве. Там мы жили втроём: 2 мастера и я. В выходные ездил в Новочебоксарск или семья приезжала ко мне.

Но к осени леспромхоз построил 2 финских деревянных дома (Короче, финские дома на заводе где-то построили, и эти сборные дома установили у нас). Они 3-х комнатные. Вот один такой дом дали моей семье. Другой дом дали начальнику лесопункта, затем в том доме жила семья главного инженера. Все годы, пока Нина училась, мы жили там.

Как поселились в этом доме, мы сразу купили корову, построили хлев для коровы, и там у нас ещё был курятник. Летом (вернее, с весны) завели 2 огорода, один недалеко от дома, участок, пройденный торфодобычей (здесь в сухое лето хорошо уродилась картошка и зелень), другой участок песчаный, там хорошо росло всё в дождливые годы. При доме тоже участок, там у нас росли помидоры и клубника.

Итак, осуществилась моя мечта – со временем вернуться на Волгу (я ведь прочитал вам свой стих «Я с Волги, ребята!», осуществилась она через 17 лет!)

Вот теперь представьте себе очередной этап нашей жизни, жизни нашей семьи на неисповедимом Господнем пути.

Кто бы мог подумать, что Нине со своей семьёй, с мужем, с детьми придётся повторно жить 4 года там, где она уже жила со своими родителями. Это посёлок Торфопредприятие. Адрес: Чебоксары-2, относящийся к Чебоксарам.

Здесь она родилась, крестили её в Введенской церкви в Чебоксарах.

Чтобы это осуществилось, Богом составлен целый сценарий. Это относится ещё к 1938 году. Отец Нины служит на Дальнем Востоке, около Владивостока, участвует в войне с Японцами у озера Хасан. В Забайкалье живёт вторая «будущая» мама Нины со своим мужем-авиатором (погибает в 1941 году). «Будущая» мама Нины с трудом сумела выехать по Транссибу в Чувашию. Работает в Кугеево учительницей. Живёт на квартире рядом с нашим домом.

Нина с мамой выезжают в Якутию к сосланному туда отцу, мать там погибает. Отец с дочерью приехали в Кугеево. Там у Нины появляется «вторая мама».

1950 год – я поступаю в Марпосадский лесотехникум. В 1954 году заканчиваю его. Меня направляют в Кемеровскую область. В 1955 году меня призывают в армию, попадаю на Дальний Восток.

Вот вопрос: если бы не учился я в лесотехническом техникуме и не был бы призван в армию вместе с сибиряками на Дальний Восток, прошёл бы я все места, где служили отец и «вторая» мама Нины?

Конечно, нет. Проехал я и мимо Якутии, где побывали отец, родная мать Нины и сама она. Работали с Ниной и с заключёнными. Опять это связано с родителями. Приехали в Чувашию и жили 4 года на Торфяном – всё взаимосвязанно.

И для того, чтобы всё осуществилось, Бог сохранил меня для Нины.

Кроме того, что я ранее уже писал, было много случаев – я просто мог погибнуть.

Сколько их было, этих случаев – 2 раза чуть не погиб в детстве, пока учился плавать.

Сейчас, когда пишу, вспомнил. Попал бы служить в Западную Украину и учиться на радиста, мог попасть на подавление мятежа в Венгрии. Там перед танками на дороге ложились люди, когда танкист открывал люк – туда бросали гранату (я разговаривал с одним радистом оттуда).

2 раза мог погибнуть, пока работал с заключёнными после техникума.

В первый раз, когда в зоне дал пощёчину учётичку за подделку моей подписи в рабочих нарядах.

Второй раз: я проверил объём выполненных бригадой работ. Выходит – у них приписки. Я к бригадиру (вору в законе, между прочим, все ответственные должности занимали они) с претензией. Слово за слово, он с топором и пошёл на меня, рыча: «Зарублю!» Тут другой вор ему и говорит: «Пусть живёт!» В этот раз, повторно проверив, обнаружил свою ошибку и через пару дней извинился.

Но они могли бы более вежливо ко мне обратиться, учитывая, что я им старался помочь.

После окончания института в Понице по мне стреляли из автомата. Был побег заключённых из рабочей зоны. Я в это время шёл по железной дороге. Группа преследования, увидев меня, посчитала, что я из беглецов.

Второй случай в Тюменской области. Как дружинники, мы заставили уйти из клуба выпившего рабочего за хулиганство. Он пригрозил нас перестрелять и быстрым шагом пошёл к общежитию. Мы решили, что это не рядовой случай, и пошли в общежитие. Зайдя в общежитие, увидели, что он с дробовиком спускается со второго этажа. Мы с начальником лесопункта шли впереди. Он направил на нас ружьё. Мы в доли секунды наклонили головы в разные стороны. Грянул выстрел. Дробь, пройдя между нами, попала в стену. Его ошибка была в том, что с такого близкого расстояния дробь летит кучно, а он рассчитывал одним выстрелом убить двух «куропатов».

Был ещё случай. Мог я утонуть в болотах Тюменской области. Мне много приходилось проходить по Тюменской тайге. Для того, чтобы леспромхоз работал, ему надо подобрать лесосечный годовой фонд примерно на 300—350 тысяч кубометров леса. Какая она, Тюменская земля? Это сплошное болото... Вот я один раз прошёл мимо утопшего лося.

Так что, что было... то было. От фактов не уйдёшь.

Таких случаев было ещё 3—4, так что не соскучишься.

Конец 1975 года. Нина заканчивает университет.

Её как врача, молодого специалиста, одну из лучших по баллам (шла она четвёртой среди 86 окончивших в 1975 г.), направляют на работу в г. Новочебоксарск. В ноябре 1975 года ей выделяют квартиру. Нина в первый день ледостава на Волге вместе с другими «храбрцами» переправляется по тонкому льду, да ещё с детьми, через Волгу.

Я ещё до марта 1976 года работал за Волгой. В свободное время искал себе работу, но не находил.

Ездил и в Тюменскую область, там предлагали место замдиректора крупного леспромхоза.

На «Химпроме» предлагали должность зам начальника цеха на 3-м производстве, но сказали, что направят документы на секретность в Москву, через пару недель просили зайти за результатом.

Но конец метаниям положил директор 6-й автобазы в Новочебоксарске Васильев Вавил Васильевич (муж двоюродной сестры Нины Анжелы Ивановны), сказав, что все «не чувашки» едут в Чувашию и занимают руководящие посты, а вы, мол, истинные чувашки, уезжаете отсюда.

Мне он предложил должность начальника отдела снабжения. И я на этой должности проработал до конца 1995 года.

Между прочим, на «Химпром» я потом заходил проверяться. Разрешение на «секретность» на меня было получено. «Можешь выйти на работу, – так мне сказали на "Химпроме".

Да и Нина была против возвращения в Тюменскую область, мотивируя, что качественные знания для детей лучше получить в городе.

Нина с момента окончания учёбы (с 1975 года) работала цеховым врачом в ДСК (Чебоксарский домостроительный комбинат) в Новочебоксарске. Численность рабочих – 5000 человек. Несколько раз была на курсах повышения квалификации, имеет звание врача 1 категории.

После того как заводы, фабрики и все производства закрывались одно за другим, Нина работала на приёме в городской поликлинике участковым врачом. На пенсию Нина вышла в 1999 году и продолжала работать до 2013 года.

Сейчас, когда пишу эти строки, она в отпуске (14 лет она проработала, будучи на пенсии, говорит, больше не будет работать, измоталась). Её давно уж мы просили – заканчивать работать.

Сегодня 16 июля 2013 года.

38 лет живём уж в Новочебоксарске. Это – целая жизнь. За это время дети выросли, обе дочери получили высшее образование. Закончили: Наташа – стоматологический факультет

Башкирского мединститута, Галя – МГУ, факультет журналистики. Вышли обе дочери замуж, родили детей:

– У Наташи с Колей: дочь Катюша (19/1—91 г.) – в этом году закончила престижный технический институт в Москве.

Сын Алексей (28/8—95 г.) – закончил 11 классов и собирается также поступить в институт в Москве. Поступил.

– У Гали – 5 детей.

От первого мужа (Юрия) двое детей – Яна (Иоанна, 23/5—88 г.) и Ярослав (10/12—89 г.). Ярослав пока учится на юридическом факультете, Яна – работает.

От второго брака с Сергеем у Гали 3 детей:

Александр (4/12—2001 г.) учится в школе.

А девочки-близнецы Анастасия и Анна (1/8—2006 г.) в этом году пойдут в 1-й класс.

Мы с бабушкой от души им всем желаем счастливой судьбы, здоровья, получить хорошее образование, специальности, семейного и вообще человеческого счастья, иметь детей, внуков, быть настоящими христианами.

Ибо, только веря в Бога, можно правильно прожить жизнь.

Человек человека судит по тому, чего человек добился, а Бог по тому, от каких дурных привычек человек отказался.

Не имея чистую душу, никогда не будешь счастливым, за каждое плохое дело и думы придётся отвечать.

У нас в Новочебоксарске в прошлые годы у водителей перед глазами висел плакат:

«Не зли других и сам не злись,
Мы гости в этом бренном мире.
И, если что не так – смирись,
Будь поумнее – улыбнись!
Холодной думай головой.
Ведь в мире всё закономерно:
Зло, излучённое тобой,
К тебе вернётся непременно!»

Человеку достаточно 1,5—2 годов, чтобы научиться говорить, и 60 лет не хватает, чтобы научиться держать язык за зубами. Он, этот язык, может другого человека сделать другом или может сделать вечным врагом. Что лучше – иметь друга или врага? В чём ты выигрываешь перед Богом или обществом?

Мы с мамой сами решали свои проблемы, не винули других в своих проблемах. Мы 2 раза в день молимся, чтобы наши дети, внуки были чище нас, благороднее нас, чтобы они соответствовали определённому уровню знаний, моральных качеств своего поколения, а не сравнивали себя с отцами, матерями или ещё с дедами и бабушками. Одно поколение от другого отличается более высоким уровнем технических и других знаний. Это не ваша заслуга. Вот у вас сейчас мобильники, интернет – и из-за этого вы считаете себя умнее, лучше старших поколений?

Мы вырастили двоих дочерей. Они получили высшее образование, не боятся работы, заимели мужей, детей. Так вам карты в руки – добивайтесь того же и вы, даже лучшего добейтесь.

Помните – ни один из наших предков не был хуже других из своего поколения, все были уважаемые люди.

Так что за вышедшее из ваших уст просите прощения у Бога. Что сказал Христос своим апостолам? «Без меня ничего не можете сделать». Потом уже просите у Бога того, чего вы в жизни хотите, «стучите – вам откроют, просите – вам дадут».

Галя, помнишь, по твоей просьбе я ездил к девушке, с которой дружил 9 лет. Ты считала, что твои проблемы – это за мои грехи. Нет, Галочка! У меня был принцип, если нам суждено быть вместе, она будет моей, мне не надо торопиться. Если нет, зачем мне подложить свинью девушке, которую я любил. Я сходил к ней, попросил у неё прощения, говоря: «Если я в чём-то перед тобой виноват – прости меня». «Гена, если и есть между нами вина, так это вина моя. Ты чист, Гена, передо мной! А ты, Гена, веришь в Бога?» Я ответил ей, что сама жизнь приводит нас к Богу. Мы долго разговаривали ещё, узнавали, что было после того, как мы расстались. После этого я неоднократно в церкви ставил свечи, молился за неё.

Мы – люди уже старшего поколения, связь с прошлым, связь поколений у нас существовала и существует, как у старших поколений наших отцов и дедов.

Дети, не думайте, что у нас всегда и везде гладко, очень мне хочется с вами поделиться своими мыслями, душевными болями.

Моя мать – Анастасия.

Была ещё другая Анастасия – моя первая учительница – Анастасия Тимофеевна.

В начале 1945 года, за несколько месяцев до окончания войны, в класс заходит наша учительница вместе с чернявым, небольшого роста танкистом. И объявляют, что они женятся... и простились с нами.

Вот эту учительницу я как-то оскорбил: учился я хорошо, но был неусидчивый, вертелся на уроке, а она хотела меня после уроков задержать, я вырвался и оскорбил её. Никогда никого я не оскорблял, свою вину сразу осознал, всю свою жизнь боль носил в себе, бесконечно просил у Бога прощения. Видимо, Бог специально допустил такое, чтобы на этом примере я понял и впредь не допустил подобное.

И вот, спустя 55 лет, мы с Ниной попали в эту деревню, куда моя учительница вышла замуж. Я опоздал на 1 год, она померла (муж-танкист помер ещё раньше). Застал дома сына. Я попросил у него разрешение помолиться, и я на коленях просил у моей учительницы прощения.

Вы знаете, я несколько лет зимой приезжал в Москву с целью хоть немного помочь Гале в уходе за детьми.

Когда в очередной раз приехал туда, внучка Анастасия подошла ко мне и уткнулась в мои колени. Я понял... я прощён.

Ещё одна боль, которую также носил всю жизнь.

В 1943 году я потерял братика – Анатолия, 1938 года рождения. Все дети наших родителей, мы, похожи на отца. Он-то был похож на мать: кареглазый, весёлый, в возрасте 5 лет (как он пел!), главное – знал песни. Помер от дизентерии (в войну у нас в деревне погибло от этой болезни немало детей). Я знал, что чай из дубовой коры лечит. Дуб стоял у деда в огороде. У меня почему-то не хватило решительности за корой сходить туда, видимо, откладывал на завтра или думал – всё пройдёт. В такие годы кто думает о смерти?

Всё-таки это была нерешительность. На завтра ничего нельзя оставлять – ибо завтрашнего дня может не быть.

К этому добавлю, когда мы за старыми отцом и матерью поочередно ухаживали в деревне (по месяцу), у меня не хватало совести оставлять их и уходить на встречи с детскими друзьями. Они-то ушли «навечно» один за другим.

Опять – «не оставлять дела на завтра».

Продолжим дальше.

Есть оно, предопределение Божье?

Как объяснить, вот дочь Наташа выходит замуж, а мать мужа Николая – Елизавета Борисовна Абрамова. А ведь так же звали родную мать Нины – Елизавета Абрамовна Абрамова. Это случайность? Слишком много всего, разных совпадений для нашей семьи.

21/9—96 г. – Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Я был на даче в Пушкино – собирал смородину. Соседка мне кричит: «Посмотри, у тебя на крыльце уже полчаса сидит голубь!» Прилетел, мол, в такой праздник, будут, мол, вам хорошие новости, вести.

Нет, лучше прочитаю стих, чем описывать:

Ты – белый голубь, птица Рая

1. Соседка с дачи мне кричит:
«Ты, Гена, глянь на крышу,
Там голубь полчаса сидит!»
Да, я взглянул... и вижу.
2. «Сегодня праздник... и большой
Казанской Божьей матери.
К вам – Божья милость, да какой,
Вы ждите вести добрые», —
3. То мне соседка говорит
(Чтоб я поверил... в чудо).
Здесь голубь в первый раз сидит
За столько лет... не чудо?
4. Я хлеба быстро покрошил,
Воды налил я в банку.
Присев на корточки... позвал
Гостью я... райску птицу:
5. «Если ты уж неспроста
Сюда явилась, птица,
Спустись сюда... Вот тут еда
И вот тебе водица».
6. И так красиво на «тормозах»
Спустилась сверху птица,
Попив воды и поклевав,
В глаза мне смотрит птица.
7. «О, Бог ты мой, хвала тебе,
Спасибо за подарок!» —
Осенив себя крестом,
Сказал я тут вдобавок.
8. «Ты, белый голубь, птица Рая,
Посланец Бога, да... небес,
Вот крошка хлеба на ладони», —
Я близко руку к ней поднёс.
9. ...Поела птица хлеб с ладони,
Пила водички дождевой,
Ходила птица по ступени
Крылечка дома. О, Боже мой.

10. И слёзы капали обильно,
И было радостно в душе.
Такое было умиление,
Не знаю, как сказать вообще.

11. Не отрывая взгляда с птицы,
Молил я Бога от души,
И чтоб жена и дочка, внуки
Прониклись лёгкостью души.

21/9—96 г.

За 10 с лишним лет я не видел, чтобы туда садились голуби. Сороки, вороны – да, но, чтобы в такой день – и белый голубь, чтобы ел с руки хлеб и пил воду...

Ничего не бывает без причины.

Да и фактов, связанных с именем Пресвятой Богородицы, ниже увидим ещё много.

Я сам родился в Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы (4/12—1934 г.), в этот же день (4/12—2001 г.) родился 2-й сын Гали, наш внук Александр.

Замуж (2-м браком) Галя вышла опять 21/9—2001 – в Праздник Рождества Пресвятой Богородицы и обвенчалась в этот же день в Храме Христа Спасителя.

Перед свадьбой и Галя, и я были в церкви Рождества Богородицы (церковь-то не выбрали, а она оказалась вблизи дома, где их квартира теперь).

В этом месяце у нас с Ниной юбилей Золотая свадьба (Это 27/7—1963 г. – 27/7—2013 г.)

Собираемся обвенчаться в Чебоксарской церкви Введения 28/7—2013 г.

Вот какие предопределения.

Очень мне запомнился день свадьбы (второе замужество дочери Гали).

Первый брак у Гали был через ЗАГС., в 2-й брак – бракосочетание (венчание) в Храме Христа Спасителя в Москве.

И подумать только!!!

Не сразу Серёжа (муж Гали) и Галя оформили этот брак, с опозданием на несколько месяцев, и сын Александр оказался «свидетелем» всех мероприятий этого дня (дня свадьбы и бракосочетания своих родителей). Он «ставил» свою подпись на документе, удостоверяющем о бракосочетании, подтвердил слова папы и мамы о супружеской верности, любви перед Богом и обществом и в Храме Христа Спасителя, на Красной Площади и Поклонной горе.

Серёжа и Галя! Может ли быть что-либо большее, чем осознанная радость от этого события, этого дня? Это представить трудно! А ведь что происходило в этот день и что говорилось – есть такой «свидетель Саша», вас трое – главных участников этого события.

Дай Бог, чтобы у Саши была счастливая судьба, чтобы он был хорошим человеком, добился многого и был с Богом.

Давайте поговорим о моей семье, вернее, о моих родителях, братьях и сестре.

Мои родители оба с Кугеева, женились в 1930 году. Начало коллективизации.

Дед – Борцов Александр Михайлович, 1888 г.р., участник Первой Мировой и Гражданской войн, был полковым писарем. В общем, грамотный был мужчина. С началом коллективизации его выбрали секретарём правления колхоза. У деда был ещё сын – 1918 г. р. Так что отец отделился и построил дом, где все годы мы и жили.

Мать – Гаврилова Анастасия Николаевна (1908 г.р., а отец 1909 г.р.).

Дед по материнской линии – Гаврилов Николай Гаврилович, имел 6 детей (и все дочери, а единственный сын в малолетстве помер).

А земельные наделы на девочек не полагались, и вот дед, чтобы прокормить семью, держал с 1914 года небольшой магазин. А брат деда Трофим был помощником его в работе в магазине. Он был женат, а жена – Татьяна. Вот они обратились к моим родителям (отцу и матери), чтобы они построились в их подворье с условием, чтобы в старости ухаживать за ними. Дом наш был построен в 1936 году (помню на матице дома чернильным карандашом был написан год постройки).

Они были очень богомольные. Дядя Трофим даже ездил на богомолье в Иерусалим.

Это обстоятельство имело большое значение (об этом потом).

За дядей Трофимом не пришлось ухаживать. Он, как говорится, умер, двигаясь на своих двух, примерно в 1939 году. А за тётей Татьяной ухаживали, в старости её скрутило так, что колени чуть не касались подбородка. Умерла она в 1943 году.

До войны у нас в семье родились 3 ребёнка. Лида, сестра – с 1931 г., я – с 1934 г., Анатолий – с 1938 г. Через несколько месяцев как отца призвали в армию, родился сын Николай, четвёртый.

Умер он через месяц.

Ещё двое сыновей у родителей родились уже после войны: Анатолий – с 1947 г. И Виталий – с 1950 г.

С 1954 года мы с сестрой уже уехали из Чувашии. О себе и моей семье я уже написал, а пути-дорожки у сестры были такие: работа (Удмуртия), вышла замуж и жили с мужем в городе Нижний Тагил Свердловской области. Потом они переехали в Новочебоксарск как специалисты-химики. Родились у них двое детей – Вячеслав (1957 г.р.) и Галина (1961 г.р.).

Когда в 1971 г. мы приехали в Чувашию, братьев дома уже не было. Витя, уже женатый, с женой Ниной работал в городе Тольятти на автозаводе, а Анатолий служил в армии. Через год Витя с Ниной переехали в Чувашию, а Анатолий вернулся из армии и поступил в Чебоксарский университет, закончил его в 1976 году врачом-хирургом.

Витя поступил в Чебоксарский химтехникум (в Новочебоксарске) и закончил его. Работал долгие годы на Химпроме, потом на Агрегатном заводе, там же работала Нина Касьяновна.

А Толик работал в Новочебоксарске. Женился на девушке Люде из Нижнего Новгорода, познакомился в санатории.

За эти годы у Вити с Ниной родились Геннадий (6/11—74) и Людмила (10/2—1972). У Анатолия – сын Сергей (15/5—1977 г.). Потом Толик с семьёй переехал в Великий Новгород.

Теперь все дети наших родителей и мы постоянно встречались у родителей – в праздники, дни рождения, юбилеи.

Нам было радостно, что мы вместе, что мы любим родителей, и было и грустно, что они одни, что они стареют. И душу не покидала постоянно терзающая мысль: «О Боже, сделай так, чтобы окна дома как можно дольше светили огнём».

Как было не любить наших стариков? Это же были кристальной чистоты души люди. Отец работал и зав. фермой, начальником пожарной команды в деревне, рядовым колхозником – у него были одни думы, как честно выполнить дело. За честность его всегда выбирали председателем ревизионной комиссии, и даже на старости, когда распределяли корм скоту, он сделал это.

Мать никогда нас не ругала, а всегда находила, как научить нас, чтобы мы задумывались.

Примерно так: если не чисто пол подметаешь, то жена или муж будут рябыми; если стул после еды не подвинешь к столу, то жена попадётся старая.

Видимо, я слишком старался, что жена мне попалась такая молодая.

Листая тетрадь со стихами моими, попалась запись с 1975 года под названием «Дума о матери».

Дума о матери

Мать! С годами, с возрастом всё новые и новые понятия, крупницы нежности, человеческой ценности вкладываются в это слово. С годами ты становишься всё дороже и дороже. И часто среди других дум о тебе ловишь себя на мысли – всё бы отдал, лишь бы ты жила вечно, была здорова и чуточку оставалась бы такою, какую тебя помнишь, какую ты запечатлелась в сознании.

...Невозможно, а думается...

Да, многое думается, мать!

...Весна. Утро. Первое утро весёлых школьных каникул – поэтому я только встал. По школьной привычке смотрю на часы – время 8 часов утра.

...Мать возится около печки – что-то варит, жарит, печёт.

Смотрю в окно – там столько света, как может быть только весной, когда лежит снег и когда наступают такие тёплые дни, словно это уже лето. Снег тает буквально на глазах, потоки воды журчат на улице, в воздухе – марево.

Я сходу раскрываю окно и останавливаюсь, поражённый тем, что услышал. За окном, под карнизом в углу дома, у нас всегда висел скворечник. И сейчас два скворца, самец и самка, сидя друг против друга на электрических проводах напротив раскрытого окна, заливаются, прихлопывая крылышками...

...Нет! Это не пение, это что-то из ряда вон выходящее, это гимн всему живому, такому чудесному дню...

Сколько продолжалось это, не знаю, опомнился лишь тогда, когда скворцы, видимо заметив меня в открытом окне, перестали петь.

...Я поворачиваюсь... и вижу мать. Облокотившись одной рукой о печку, мать ушла в себя, губы чуть-чуть сжаты, глаза такие задумчивые. Я подхожу к ней: «Что, мама?» «Ничего, сынок! – и лишь спустя, как мне показалось, полчаса, выговорила. – Улетите! Птицы всегда улетают!»

После этого дня я эти слова слышал не раз, но истинный смысл этих слов, мне сейчас кажется, понял лишь потом, когда после окончания 8-летки поступил учиться в Марпосад и уезжал из дома. Это – 1950 год!

Да, мама! Своим материнским чутьём ты поняла, что мы, твои дети, улетим, улетим без возврата назад.

Хотя, в отличие от птиц, не все дети уезжают из родных пенатов, а являются опорой своим родителям, живя вместе с ними, деля с ними радость и горе.

А вот мы улетели. Улетели сначала мы – 1-е поколение (довоенного выводка). Думали, младшие братья, быть может, останутся, если не оба, хотя бы один из них.

Братья подросли, их также потянул город (сначала учёба, затем работа).

Бывая по разным причинам в деревнях (не только в Чувашии), замечаешь – мало молодёжи в деревнях, а много старых, как вы, отец и мать, живут одни дома при наличии многих детей... Становится просто не по себе...

Да, город изменяет, предрешает жизнь деревень.

Придёт, конечно, время, положение стабилизируется более-менее. Видимо, это ещё не скоро. Города пока требуют всё новых и новых пополнений из деревень.

Такова логика процесса развития, роста промышленности, науки, прогресса стран.

А пока что остаётся грусть, грусть, постоянно преследующая. Видимо, даёт себя знать связь времён.

1975 г.

P.S. Нет! Ожидаемого прогресса в этом вопросе в последние годы не случилось.

Новый режим уничтожил все иллюзии. Промышленность, сельское хозяйство просто умышленно развалили. Деревня мертва. Если раньше страна восстанавливалась за счёт душевного и финансового состояния деревни, то сейчас оттуда нечего брать.

2008 г.

Не могу я и это не написать.

1998 г.

Прости... о, мама!

1. Три раза мне кресты дарила,
Прости уж, мама, не сберёг...
Уж восемь лет как на погосте...
Какой же я? Ну как я мог?

2. Себя корю... Я вспоминаю
Так судьбоносный каждый крест.
Учёба, армия, женитьба,
На счастье ты дарила крест.

3. «Ты помни Бога – он поможет,
А мы желаем от души,
Здоровья, да удачи в жизни,
Но крест, он, Гена, для души».

4. Я помнил, мама, да вот к Богу
Пришёл довольно поздно я.
Хотя поступки, размышленья
Всю жизнь вели меня туда.

5. И был бы я каким счастливым,
Имей в руках один хоть крест...
...Тогда, потом, мы горько плачем,
Тогда «дойдёт», вот твой тут крест.

6. И так всегда мы сожалеем,
Чего вернуть уже нельзя.
Умом мы задним так богаты:
«Не так прошла моя стезя».

Стою у образа я Бога,
Молю прощения себе...

1998 г.

Много у меня стихов про отца и мать.

Все эти слова, написанные о маме, они также относятся к отцу.

Вы оба – дорогие, очень дорогие нам люди. Были бы рядом сейчас братья и сёстры, они бы сказали: «Так, именно так, Гена».

Мы всё помним, отец!

1. Сегодня уж праздник – день славной Победы.
Отец за столом, в окруженьи семьи,
И как же, родные, не праздновать ныне,
Отцу принесли мы поклон от семьи.

2. Мы помним, отец, как тебя провожали,
Как ждали оттуда... хоть малых вестей.
И помним солдатские почтовые ящики,
А где ты служил-то... узнали потом.

3. Дважды ты ранен, солдат наш пехоты,
Дважды за Власовым брешь закрывал,
Та часть – как затычка (срочность какая!!),
Кому приказали, и ты прикрывал.

4. Первым раненьем – ноги переломом —
Там же лечился, домой не попал.
Вторым же раненьем, покрепче чем первым,
На несколько дней ты домой приезжал.

5. И помню рассказ твой, и как ты поник,
Видимо, трудно – ведь ты... человек:
«Немецкий стервятник на марше настиг,
Осталось от роты лишь семь человек.

6. Уж немцам, наверно, на белом снегу
Солдаты казались глухарями в лесу.
Они потешались, я думаю, всласть,
Почувствовав... над нами безмерную власть.

7. Морозы стояли под сорок тогда,
Вот в этот-то день случилась беда,
Немецкою пулей – навyleт нога,
Осколок немецкий – в спине навсегда».

8. «Отец мой, отец мой, терпел ты уж как?»
Молчит, и лишь губы так мелко дрожат:
«Скажу я, сыночек, не всё может так:
Ударило в спину, подбросило так.

9. С другого захода, наверно, – нога.
Не чувствовал это... то было во сне,
Проснулся... горю я, как будто в огне,
Позёмка, как в сказке, катится по мне.

10. Хотел повернуться... Удар... Я во мрак.
Проснулся в санбате... остался, и как?
Знаю одно – из двухсот человек
Осталось в живых нас – лишь семь человек.

11. По сказу врача... разрезали сапог
(Замёрзшей-то крови было... целый сапог),
Обморожены ноги... в сапогах человек,
Да и руки. Слава Богу, ещё жив... человек.

12. Про осколок сказал: «Близко к сердцу проник,
И не может его и извлечь-то мой друг»».
И таскает у сердца тот вражий металл,
Ведь его же в войну... в «лотерею» достал.

1. Был сентябрь тогда. Убирали мы хмель
На колхозной плантации у реки Аниша.
Появился отец – он на двух костылях,
Улыбаясь, сказал: «Я на месяц в гостях».

2. Каждый день перевязку меняла тут мать.
Дроблённая кость выходила опять.
На третий же день уж повестка опять,
Видимо, срочно... призывается в часть.

3. Помню. В хмельник побежал я тогда,
И криком всех женщин я поднял тогда,
И выдохнул: «Мать, быстрее домой!
Отца забирают... на войну... Поскорей!»

4. Подали лошадь. Через час с небольшим
На двух костылях мой отец уезжал.
И стоит на глазах этот миг до сих пор.
...В английской шинели он нас обнимал.

5. Отец, отец! Сегодня праздник твой,
И помолчим над солдатскою судьбой,
И молча выпьем за миллионы тех солдат,
Их могилам пол-Европы занимать.

И про отца у меня много стихотворений.

В последние годы жизни родителей мы, дети, установили такой порядок: будем жить и ухаживать за родителями в деревне по одному месяцу. И вот, в 1996 году 4 декабря отметили мой день рождения, а 8 декабря помер отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.